

СТАНИСЛАВ РОМАНОВ

МЁРТВАЯ ГОЛОВА

Станислав Романов

Мёртвая голова

«Издательские решения»

Романов С.

Мёртвая голова / С. Романов — «Издательские решения»,

В странном городе Северная Венеция, затопленном морем в результате глобального потепления, живут очень странные обитатели. Некоторые из них даже не совсем люди. Однажды в городе происходит загадочное и зловещее преступление: убит некто по имени Копфлос, труп обезглавлен, голова пропала... И поиски мертвой головы влекут за собой более загадочные и более зловещие события.

© Романов С.

© Издательские решения

Содержание

Одному приказ – на запад, а другому – на восток	8
Прибытие	13
Вопросы без ответов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мёртвая голова
фантасмагорическая мистерия
Станислав Романов

© Станислав Романов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Видно, Буджум ошибистей Снарка!
Льюис Кэрролл

* * *

– А вот интересно, – сказал Лаврентий Жребин, – есть ли вода на Марсе?

– Не-а, – лениво отозвался Климент Пряхин. – Нету там воды, только песок.

Антон Неизбежин, по обыкновению, промолчал; он, по-ковбойски сощутив глаз, сосредоточенно плевал вниз, в жирных ленивых чаек, что плавали на поверхности моря.

Был час прилива, и уровень воды поднялся метра на три, почти до четвертого этажа – это если считать по-старому, от земли. Жребин, Пряхин и Неизбежин сидели на краю крыши крематория – Антон, свесив ноги с карниза, лицом к улице, А Лаврентий и Климент, наоборот, к улице спиной. Все трое маялись вынужденным бездельем, нынче с самого утра еще не причалил ни один катафалк, и кремировать пока было некого.

От нечего делать Лаврентий Жребин стал развивать марсианскую тему:

– А я вот в газете читал, что на Марсе есть каналы, и ежели взять хорошую зрительную трубу, то можно их разглядеть.

– Ну и что, – ответил Климент Пряхин, закуривая вонючий «Беломорканал». – Каналы-то есть, а воды в них нету.

– Как же тогда марсианцы там живут, без воды-то? – поинтересовался Лаврентий Жребин.

– А у них водопровод есть, – ухмыльнулся Климент Пряхин. – И вообще, откуда у тебя такой интерес? На Марс, что ли, решил перебраться?

– Я над этим думаю, – сказал Лаврентий Жребин серьезно. – У меня, понимаешь, из-за постоянной сырости суставы уже начинают побаливать, в шее щелкает, в пояснице трещит. А как с моря бриз, так у меня – насморк.

– Да, совсем плохой стал, – покачал головой Климент Пряхин, поглядел на дымящуюся папиросу в своей руке и сказал как бы задумчиво: – Кремировать тебя, что ли?..

– Себя кремируй, – огрызнулся Лаврентий Жребин и обиженно засопел.

Климент Пряхин усмехнулся, щелкнул окурок в воду и сказал, покосившись на Антона Неизбежина:

– Нынче утром, на Ушакова, прозектора Копфлоса обнаружили. Без головы.

Антон Неизбежин прицельно оплевал еще оду чайку, к сообщению Пряхина он остался совершенно равнодушен.

– Я тоже про это слышал, – кивнул Лаврентий Жребин. – Может, уже сегодня его к нам привезут?

– Нет, не привезут, – сказал Климент Пряхин. – Менты теперь его башку ищут, да никак найти не могут.

– На кой им его башка? – фыркнул Лаврентий Жребин. – Кремировать-то все одно, что с башкой, что без башки.

– Порядок такой, – объяснил Климент Пряхин. – Вот когда найдут башку без тулова, станут к тулову, что без башки, приставлять, чтоб, значит, одно другому соответствовало. Ежели все совпадет, тогда – в добрый путь, можно и кремировать. А ежели не совпадет, тогда придется им другую башку искать, да другое тулово для неподходящей башки.

– Ну, это дело долгое, – разочарованно сказал Лаврентий Жребин и повернулся к Антону Неизбежину, выбиравшему новую мишень. – Слышь, командир, у нас сегодня работа будет или как?

Антон Неизбежин пометил еще одну чайку и только после этого ответил:

– Привезут кого-нибудь. Дня еще не было, чтобы кого-нибудь не привезли.

Одному приказ – на запад, а другому – на восток

– Иванов.

– У?

– Вставать пора, – сказала Наталья. – На работу опоздаешь.

– Не на работу – на службу, – пробурчал Иванов, не открывая глаз. – Не хочу я на службу идти, я спать хочу.

Он с головой укрылся одеялом и перевернулся на другой бок, спиной к Наталье.

– Ах так... – Наталья уперлась пятками в поясницу Иванова и спихнула его на пол, вместе с одеялом и подушками. – Если ты не станешь ходить на службу, то тебе деньги перестанут платить, а на хрена ты мне нужен без денег?

– Это жестоко, – жалобно простонал Иванов, ворочаясь на полу.

– Жизнь такая, – сказала Наталья. – Давай, поднимайся, топай в ванную умыться, зубки чистить и морду побрить не забудь.

«Почему я позволяю ей так со мной поступать? – спросил Иванов у своего зеркального двойника в ванной. – Она ведь даже не жена мне».

«Потому что тебе самому это нравится, – ответило отражение и взяло левой рукой электробритву. – Тебе нравится, когда тобой помыкает эта женщина».

«Интер-ресно. А почему мне это нравится?» – спросил Иванов, жужжа электробритвой.

«Потому что она похожа на твою мать, – откровенно ответило отражение и поморщилось – Иванову не нравилось пользоваться электробритвой. – Тебе нужна именно такая. Женщина-мать».

«Данке шён, херр Фрейд из зазеркалья, – сказал Иванов, увлажняя лицо лосьоном. – Сколько с меня за сеанс психоанализа?»

«Пустяки, это дружеская услуга, – ответило отражение. – Лучше купи себе новую бритву».

Пока Иванов умывался и брился, Наталья хозяйничала на кухне. Она поджарила яичницу, сварила кофе и достала из холодильника масло, чтобы отошло. Хлеб был куплен вчера, не то чтобы он зачерствел за ночь, просто потерял свежесть. Наталья поджарила несколько тостов, Иванов любил такие, с хрустящей корочкой.

Иванов – умытый, гладко выбритый и уже одетый – сел за стол и принялся за яичницу. Наталья стояла возле окна, за спиной у Иванова, смотрела на своего мужчину – он жевал так энергично, что уши шевелились.

– Иванов.

– М-м?

– Ты чего вчера так долго сидел? – спросила Наталья. – Спать, наверное, только в два лег?

– В половине третьего, – невнятно ответил Иванов, быстро пережевывая бутерброд с маслом. – Я отчет сочинял.

– Сочинил?

– А то как же. Полковник у нас – человек строгий. – Иванов допил кофе, поднялся, посмотрел на часы. – Все, радость моя, мне пора. Спасибо за завтрак.

– А поцеловать? – Наталья привстала на цыпочки, потянулась к его лицу.

Иванов чмокнул ее торопливо, без нежности – от него пахло кофе, едой и этим новым лосьоном.

– Все-все, я побежал.

– Беги, – вздохнула Наталья и махнула рукой.

Как служащий весьма солидной организации Иванов имел привилегированное право на владение личным автомобилем, в переполненной столице это значило многое. Но, видимо, в последнее время еще какая-то контора выбила у городских властей такие же льготы для своих сотрудников – машин заметно прибавилось, и на улицах, особенно в центре, снова стали возникать заторы. За три квартала до штаб-квартиры Иванов попал в чудовищную пробку: автомобили сбились плотным стадом, раздраженно ругались водители, запарившийся регулировщик остервенело размахивал полосатым жезлом. Иванов посочувствовал бедному парню из дорожного патруля – сегодня уже с утра было около тридцати градусов в тени. Кондиционер в машине Иванова работал исправно, навевая приятную прохладу, но это не особенно радовало – Иванов опаздывал на службу. Но не отказываться же от машины в пользу метро? Метро – это просто кошмар, там час пик круглые сутки.

На службу Иванов явился, опоздав на полчаса. Кабинет, который Иванов на равных делил со своим напарником Сергеевым, габаритами едва ли превосходил кухню в квартире Натальи, и в нем не было ни одного окна. Иванов в изнеможении плюхнулся на стул, опустил на стол голову, подложив под щеку папку с отчетом. Спать хотелось жутко, несмотря на выпитый кофе.

– Ну, какие новости? – деликатно спросил Сергеев, глядя на коллегу с сочувствием.

– Все то же, – ответил Иванов, не поднимая головы. – Среднегодовая температура увеличивается, полярные льды тают, уровень мирового океана поднимается. Скоро все потонем.

– И усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом. На пятнадцать локтей поднялась над ними вода, и покрылись горы, – процитировал Сергеев ветхозаветный текст. – Какие же это новости? К этому уже все привыкли, даже «Гринпис». Я тебя о другом спрашиваю: ты отчет по нашему последнему делу написал?

– Написал, – ответил Иванов, тяжело вздыхая. Он приподнял голову, извлек из-под щеки папку и перебросил ее на стол Сергееву. – Вот он, отчет. Я вчера до трех часов ночи сидел, бумагу изводил, не выспался совсем. – Иванов уронил голову на сложенные на столе руки и закрыл глаза. – Не понимаю, зачем вообще нужно писать это все на бумаге, собственноручно, каллиграфическим почерком? Электронный способ во всех смыслах проще и экономичней.

– Традиция, – пояснил Сергеев. – Полковник Задека так от нас требует.

– Ретроград, – проворчал Иванов.

– Ш-ш-ш, – сказал Сергеев, не будем об этом.

Он вытащил из папки один лист, быстро пробежал глазами написанное, улыбнулся и зачитал сначала, уже вслух, хорошо поставленным голосом:

*– Живет в метро незнамо кто,
Он носит рваное пальто,
Ему незнамо сколько лет,
Незнамо что он ест в обед,
Незнамо кто его родил,
И жить в метро определил,
Его зовут незнамо как,
Незнамо – друг он или враг...*

– Перестань, – попросил Иванов. Это дело было такое, что лишний раз вспоминать про него не хотелось. Иванов зарекся в другой раз связываться с диггерами...

Сергеев хмыкнул, покачал головой, и, пряча лист обратно в папку, сказал:

– Полковнику это должно понравиться. Он обожает твои отчеты.

– О, лстец коварный, – пробормотал Иванов с закрытыми глазами, – напрасно тщишься, от своего отчета ты не отвертишься.

– Что-то ударение у тебя подгуляло, – критическим тоном заметил Сергеев.

– Где хочу, там и ударяю, – сказал Иванов. – Я поэт, мне можно.

Сергеев вздохнул, как будто с легкой завистью.

– А я вот могу писать отчеты только грубой прозой. Кстати... – он выдержал долгую многозначительную паузу, и только когда Иванов заинтересованно приоткрыл один глаз, продолжил: – полковник Задека уже новое задание нам припас.

Иванов поднял голову, потер кулаками слипающиеся глаза.

– Какое задание? Куда?

– Одно из двух, – понизив голос до интригующего шепота, сообщил Сергеев. – Либо на северо-запад, в Северную Венецию. Либо на юго-восток, в волчьи леса; там, говорят, оборотни объявились.

– А в Северной Венеции кто объявился? – спросил Иванов. – Русалки?

Сергеев пожал плечами.

– Не знаю. Вот вызовет нас полковник и сам все расскажет. Если, конечно, решит нам Северную Венецию поручить.

– Хорошо бы в Северную Венецию съездить, на море, – мечтательно сказал Иванов. – А то нам все какие-то противные дела достаются...

– Ну-ка, ну-ка, сейчас посмотрим, – ответил на это Сергеев, полез во внутренний карман пиджака и достал свой счастливый талисман – старинную серебряную монету. – Что?

– Орел, – уверенно заявил Иванов.

Сергеев подщелкнул монету ногтем большого пальца, вращаясь, она взлетела под потолок, на мгновение застыла в апогее своей орбиты и упала в подставленную ладонь владельца.

– Ну? – спросил Иванов.

– Решка, – сказал Сергеев. – Не повезло. Так что ехать нам с тобой, милый друг, в самую глушь, в волчьи леса.

Иванов патетически воздел руки и воскликнул:

– Над нами тяготееет мрачный рок!

Иванову и Сергееву было назначено на десять тридцать. Они пришли в приемную полковника Задеки в десять двадцать девять. Иванов посвятил эту минутку разглядыванию секретарши полковника, черноволосой смуглянки с карими глазами персидской кошки, в своем мундирчике от кутюр она была диво как хороша. Но жадными взглядами все и ограничилось. Иванов знал, что сия прекрасная особа прошла специальную подготовку, аналогичную его собственной, и владеет, по меньшей мере, дюжиной способов убийства здорового мужика голыми руками. М-да...

А для Оксаны все агенты были на одно лицо – крепкие, широкоплечие, короткостриженные, в одинаковых неброских костюмах. Жесткие профессиональные требования нивелировали различия во внешности до минимума. Вот и эти двое были похожи, как родные братья. Один постарше, пожестче, с цепким взглядом – посмотрел и отвернулся, но, конечно, отметил все, что нужно. А другой так назойливо таращится, сразу видно – *пишер*.

Ровно в десять тридцать дверь полковничьего кабинета отворилась, и оттуда, из мягкого зеленоватого сумрака, шурясь на свет, вышли коллеги-конкуренты-соперники Иванова и Сергеева – агенты Деревянко и Подручный.

– Здорово, неудачники, – весело пропел Деревянко и даже помахал ручкой.

– Привет, засланцы, – отозвался Иванов и полюбопытствовал, как бы невзначай: – Ну, куда на этот раз?

– В Северную Венецию, – ответил простодушный Подручный, за что немедленно получил от Деревянко воспитательный тычок под ребра. – Ы-ых.

Иванов усмехнулся. В том, что Подручный проговорился, разумеется, не было ничего ужасного – Иванов и Сергеев все равно узнали бы, какое задание полковник Задека поручил

коллегам. Но раз Иванов и Сергеев смогли подловить Деревянко и Подручного, значит, они выиграли еще одно очко в своеобразной игре, которую уже давно вели между собой, и это радовало.

Огорчало другое: подтверждался прогноз, сделанный Сергеевым с помощью монетки. А Иванов до последнего момента надеялся, что ему удастся побывать в Северной Венеции. Он с грустью посмотрел на своего напарника. Сергеев воспроизвел давешний жест, словно монетку подбросил, – вот видишь, мол...

Прогнозы Сергеева всегда сбывались.

...Деревянко уже приходилось работать в Северной Венеции, это было еще до того, как он получил в напарники Подручного. В тот раз он успешно справился с поставленной задачей. Возможно, именно поэтому полковник Задека выбрал Деревянко и Подручного для новой миссии в Северной Венеции. Возможно... Но, вполне может быть, полковник Задека руководствовался совсем иными соображениями. Полковник Задека славился нестандартностью мышления и неординарностью решений, недаром он возглавлял особый, тринадцатый отдел.

Кабинет полковника Задеки был раз в десять больше той каморки без окон, где ютились Деревянко и Подручный. Окна в кабинете полковника имелись, правда, непонятно, для чего они тут были нужны – все равно их завесили тяжелыми плотными шторами, не пропускавшими ни кванта дневного света. Электрическое освещение здесь также либо отсутствовало, либо полковник Задека им не пользовался. Во всем огромном помещении почти безраздельно царил темнота, лишь слегка разбавленная слабым сиянием хрустальной сферы. Эта штука, размером со школьный глобус, как бы сияла изнутри и освещала немного пространства вокруг. Когда глаза вошедшего в кабинет привыкали к темноте, можно было различить некоторые предметы обстановки: длинный стол, на котором и стояла хрустальная сфера, и два ряда стульев по обеим сторонам стола, и огромный темный силуэт самого полковника Задеки, грузно сидящего в своем особом кресле во главе стола.

Деревянко и Подручный, нашарив каждый по стулу, деликатно присели в конце стола, противоположном от полковника Задеки. Шеф тотчас начал говорить, без приветствий и предисловий:

– Вчера была получена информация из Северной Венеции. – Полковник Задека коснулся пальцами хрустальной сферы, и сияние ее неуловимо переменялось. – Там произошло странное событие, так что, господа, прошу вас быть особенно внимательными к моим словам.

Без этого предупреждения вполне можно было обойтись, подчиненный полковника Задеки всегда были очень внимательны к его словам. Деревянко и Подручный не являлись исключением.

Полковник Задека приступил к изложению странного происшествия:

– Вчера в Северной Венеции местными органами правопорядка был обнаружен труп некоего гражданина Копфлоса...

Деревянко и Подручный, сидевшие бок о бок, обменялись разочарованными взглядами. Ну, труп, ну убили там кого-то, подумаешь... Обычное дело для обычной милиции.

– Труп обезглавлен, – многозначительно произнес полковник Задека, – голова на месте преступления не обнаружена...

– Большое дело, – не выдержал Деревянко. – В первый раз, что ли, там труп без головы нашли?

– Лейтенант, будьте так любезны, выслушайте меня до конца. – Одной лишь интонацией полковник Задека указал подчиненному его место. – Гражданин Копфлос в прошлом неоднократно оказывал нашему ведомству различного рода услуги.

Деревянко и Подручный понимающе переглянулись: знаем мы, что это за услуги...

– Наверное, мы должны оказать посильное содействие местным органам правопорядка в расследовании убийства гражданина Копфлоса? – не слишком уверенно предположил Подручный.

Полковник Задека негромко хмыкнул.

– Содействие в расследовании убийства гражданина Копфлоса – это предлог, под которым вы отправитесь в Северную Венецию, – сказал он. – Я, признаться честно, не думаю, что местная милиция с радостью примет помощников вроде вас, но это и не важно.

Полковник Задека сделал намеренную паузу.

– А что важно? – спросил Деревянко.

– Вы должны разыскать и доставить мне пропавшую голову гражданина Копфлоса, – объявил полковник Задека чуть ли не торжественно.

Деревянко и Подручный в смятении посмотрели друг на друга. Им довелось выполнить немало необычных заданий, но такое...

– Вопросы есть? – осведомился полковник Задека.

Вопросов была масса, непонятно даже, с какого начать.

– А что у нас есть на самого Копфлоса? – подумав, спросил Деревянко. – Родственники? Друзья? Враги? Деловые партнеры?

– Как ни странно, – по голосу полковника Задеки, вновь дотронувшегося до любимой хрустальной игрушки, было понятно, что он находится в некотором замешательстве, – никакой достоверной информации на Копфлоса нет.

Интересная он личность, этот Копфлос. Был...

– А недостоверная информация есть? – спросил Деревянко.

– А недостоверная информация вам не поможет, – отрезал полковник Задека. Помолчал, и добавил более мягко, можно сказать, проникновенно: – Найдите голову Копфлоса, это очень важно.

Разумеется, важно. В тринадцатом отделе все дела важные. Важные и необычные.

Деревянко и Подручный синхронно поднялись со стульев и повернулись к дверям.

– Да, лейтенант... – полковник Задека вдруг вспомнил что-то напоследок.

Деревянко приостановился.

– Вы все еще курите? – спросил полковник Задека.

– Стараюсь бросить, – ответил Деревянко со вздохом.

– Бросайте, лейтенант, бросайте, – отеческим тоном посоветовал полковник Задека. – Это вредная привычка, она вас до добра не доведет.

У Деревянко от этих слов мороз пошел по коже, и он поторопился выйти из темного кабинета в светлую приемную. Здесь он обменялся парой дежурных колкостей с Ивановым и Сергеевым. Потом Подручный, простая душа, выболтал коллегам-соперникам цель служебной командировки. Надо признать, у Иванова язык неплохо подвешен, это его плюс.

– Эх ты, чайник, – выговорил Деревянко проштрафившемуся Подручному. – Учишь тебя, учишь...

Они вышли в коридор.

– У шефа секретарша новая, заметил? – спросил Деревянко.

– Угу, – хмуро буркнул Подручный.

– Красивая...

– Хороша Маша, да не наша.

– А может, ей нужен крутой мужик с большим пистолетом? – мечтательно предположил Деревянко.

Подручный широко ухмыльнулся.

– Пистолет-то у нее свой есть.

Прибытие

В Северную Венецию Деревянко и Подручный прибыли поздно вечером, на закате. Где-то за домами обрюзгшее багровое солнце лениво погружалось в море. Дома стояли в воде пол колена, по пояс, по горло, те, что пониже, утонули с головой. Водная поверхность темнеющих улиц была запятнана редкими отблесками электрического света из окон квартир, в которых еще жили люди.

Путешествие из столицы в провинцию заняло почти весь день и вымотало обоих федералов до предела. К концу путешествия Деревянко был зеленый от тоски, а Подручный – от тошноты, его скрутил жестокий приступ морской болезни, никакие таблетки не помогали. Подручный скис еще на Валдае, сразу же после того, как агенты пересели со служебного автомобиля на обычный пассажирский СПК «Спутник», ходивший до Северной Венеции с остановками в Новгороде и Чудове. Поскольку на море Подручный раньше не бывал, то и не подозревал, что существует такая морская болезнь; в наземных или воздушных видах транспорта его никогда не укачивало. У Деревянко сердце кровью обливалось, когда он смотрел на своего несчастного напарника, но он ничем не мог помочь Подручному. Пристрелить, чтоб не мучался – это было бы слишком... радикально.

На дебаркадере, что служил в Северной Венеции вокзалом на воде, Деревянко нанял свободную гондолу, перетащил в нее багаж и обессиленного Подручного, назвал гондольеру адрес:

– Гостиница «Балтика».

Гондольер меланхолично кивнул, оттолкнулся от причала длинным веслом и погреб, негромко затянув обязательную баркаролу:

*– Их вайс нихт, вас золль эс бедойтен,
дас их зо трауриг бин;
айн Мэрхен аус альтен Цайтен,
дас коммт мир нихт аус дем Зинн...*

Подручный, скорчившийся на скамье гондолы, из последних сил боролся с тошнотой. Вообще-то, он довольно прилично владел немецким, но в теперешнем состоянии ему было не до песен, он и по-русски понимал с трудом, так что смысл баркаролы ускользнул от него. Деревянко немецкого не знал, и для него в звуках песни было ровно столько же смысла, сколько в плеске весла. Он распечатал новую пачку «Мальборо», вытряхнул сигарету, закурил и стал смотреть по сторонам, пытаясь определить – сильно ли изменился город со времени его последнего приезда.

Гондольер продолжал тихонько напевать:

*– Ди шёнсте Юнгфрау зитцет
дорт обен вундербар,
ир гольден Гешмайде блицет,
зи каммт ир гольденес Хаар...*

– Я помню, здесь дом стоял. – Деревянко потыкал тлеющей сигаретой в сторону пустого промежутка между торчащими из моря зданиями. – Куда он подевался?

Гондольер оборвал песню, посмотрел в указанном направлении и сказал:

– Так эта... вода кладку, значит, размыва – дом, значит, того... рухнул.

– Рухнул, значит, – повторил Деревянко задумчиво.

– Ага, – кивнул гондольер и вновь зашуровал веслом.

Возле гостиничного причала на большом деревянном плоту возвышался островерхий парусиновый шатер, над шатром, словно своеобразный маяк, горел красный фонарик. Перед шатром с томным видом прогуливалась дама в красном же платье, туго обтянувшем ее пышные формы. Даму, видимо, звали Сильвия – именно это имя было выведено на шатре яркой люминесцентной краской. При виде Деревянку и Подручного, выгружавшихся из гондолы на причал, Сильвия оживилась – как же, новенькие.

– Привет, мальчики! – крикнула она, соблазнительно улыбаясь и постреливая глазками.

– Добрый вечер, – пролепетал Подручный, прислоненный Деревянку к стене.

– Привет, – хмуро бросил Деревянку, выволакивая из гондолы багаж – свой и напарника.

– Эй, мальчики, не желаете ли повеселиться? – Сильвия отточенным движением отставила в сторону ножку, подбоченилась, ее коротенькое платьице поползло вверх по крутому бедру.

– Ух! – Подручный стал съезжать по стене в сторону соблазна. Деревянку проворно ухватил его за локоть и вернул на прежнее место.

– Нам сейчас немножко не до развлечений. Мы, знаешь ли, очень утомились в дороге. Мой друг просто падает с ног от усталости.

– Ах вот как, – разочарованно протянула Сильвия, теряя интерес к федералам. – А вы точно мальчики?

– Да, ты-то уж точно не девочка, – пробормотал Деревянку, чемоданом подпихивая Подручного в двери гостиницы.

Сильвия, однако, услышала.

– Что ты сказал?

– Пожелал тебе успехов в труде, – усмехнулся Деревянку. – И счастья в личной жизни.

– Да пошел ты, – без выражения сказала Сильвия и стала смотреть в другую сторону, откуда к гостинице приближалась еще одна гондола.

В гостиницах Северной Венеции лучшими считались номера наиболее отдаленные от поверхности воды, то есть комнаты на верхних этажах. Деревянку беззастенчиво застрашала своим служебным удостоверением пожилого печального портье и вытребовал себе апартаменты-люкс на верхнем этаже, причем по цене обычного двухместного номера. Командировочными, отпущенными Деревянку и Подручному, проживание в люксах не предусматривалось.

Апартаменты оказались те еще, назвать их «люксом» мог только абсолютно бессовестный человек. Это была комната на две койки – ну разве что большая, с кондиционером и даже с телевизором. Ни холодильника, ни телефона не было. Зато были ванная и туалет, так называемый совмещенный санузел. Туда немедленно забрался болезненный Подручный и застрял надолго.

Деревянку походил по комнате, включил телевизор. Каналов было всего два, да и те шли скверно, с помехами. Деревянку выкурил сигаретку и пошел посмотреть, чем там занят Подручный.

Подручный, склонившись над раковиной, держал голову под струей холодной воды.

– Что, плохо? – сочувственно спросил Деревянку.

– Угу, – простонал Подручный. – Помираю совсем.

– А ты водички выпей, – посоветовал Деревянку коварным голоском добренького доктора.

Подручный послушно хлебнул водички. Водичка была противная, с привкусом железа и какой-то химии, она провалилась в желудок тяжелым комком и вызвала жестокий спазм. Подручный не сдержался, его вырвало прямо в раковину.

– Прекрасно, – сказал Деревянку. – Как самочувствие?

Как ни странно, Подручный почувствовал себя лучше, только вот во рту было гадко.

– Зубы почисти, горло прополощи, умойся, – сказал Деревянко, – и снова на человека станешь похож.

Пока исцеленный Подручный в ванной приводил себя в божеский вид, Деревянко в комнате принялся распаковывать багаж. Первым делом он взялся за большую картонную коробку, из коробки аккуратно и осторожно извлек некий предмет, чрезвычайно похожий на модернизированную кастрюлю-скороварку.

– Криоконтейнер, – сказал вышедший из ванной Подручный, увидев предмет в руках у Деревянко.

Это и в самом деле был криоконтейнер, а не какая-нибудь вульгарная кастрюля-скороварка. Да и зачем, спрашивается, федеральному агенту из тринадцатого отдела скороварка? Правильно, незачем. А вот криоконтейнер, наоборот, штука очень нужная и полезная – можно туда что-нибудь положить и заморозить, что-нибудь скоропортящееся, вроде отрубленной головы...

– Молодец, умный мальчик, – похвалил Деревянко. – За этот ответ ты получаешь одно очко. А теперь – внимание! – следующий вопрос нашей викторины: с чего начать поиски пропавшей головы?

– Не знаю, – пожал плечами Подручный. – Ты – главный. Ты говоришь – я делаю.

Порой Подручному неплохо удавалась роль крепкого парня, не отягощенного интеллектом.

– Ладно. – Деревянко, налюбовавшись вдоволь на чудо техники, поставил криоконтейнер на пол и ногой задвинул под кровать. – Саймон говорит: завтра с утра мы пойдем в городское управление правопорядка, навестим одного старого знакомого.

– Разрешите вопрос, гражданин начальник? – Подручный жестом первоклассника поднял свою тяжелую ручищу.

– Разрешаю, – милостиво позволил Деревянко.

– Звиняйте, гражданин начальник, я тут того хочу узнать – где тут чего пожрать можно? – с ухмылочкой спросил Подручный.

– Нет, ну вы только посмотрите на него, – сказал Деревянко в сторону, словно обращаясь к кому-то третьему. – Ожил наш зайчик, ожил наш мальчик...

Подручный согласно кивал головой – да, мол, ожил, жрать хочу.

– Есть тут харчевня при гостинице, которая гордо именуется рестораном, в ней и поужинаем, – сказал Деревянко, взглянув за окно. – На улице уже совсем темно, а после заката по городу гулять очень небезопасно.

В подтверждение его слов с улицы послышался растущий звук ревуших двигателей, и под окнами гостиницы, вздымая темные волны, по середине улицы стремительно пронеслась стая моторных лодок. Плот с шатром Сильвии раскачивался на волнах, красный фонарик мотался из стороны в сторону, самой Сильвии видно не было – она была местная, знала что к чему, и заранее укрылась в холле гостиницы от беды подальше.

– Эт-то что еще за черт? – Подручный тшился рассмотреть что-то в темноте за окном.

– Это, друг мой, нахтфишеры, – пояснил Деревянко.

– Нахтфишеры, – повторил Подручный. – Ночные рыболовы, типа. Какую же рыбку они ловят на такой скорости?

– А они рыбку и не ловят, – сказал Деревянко. – Они водяных гоняют, а чаще просто вот так по улицам носятся, эмоции выплескивают. Днем они – нормальные ребята, а ночью – шпана, шукины дети. Не да бог в темное время суток повстречаться им на пути, доказывай потом, что ты не водяной.

– А что им доказывать? – Подручный самоуверенно пошевелил широкими плечами. – Или мы делу не обучены?

– Ты уж поверь мне, – сказал более опытный Дервянко, покачав головой, – они не уменьем, они числом тебя возьмут.

– Да? – Подручный попрыгнул. – А с водяными они как поступают?

– Плохо они с водяными поступают, – произнес Дервянко зловещим голосом, – ой, плохо...

И замолчал, не докончив. У Подручного мурашки побежали по спине, и он решил не выяснять подробности плохих поступков нахтфишеров. А Дервянко вдруг, как ни в чем не бывало, поинтересовался:

– Ты рыбу любишь?

– Что? – тупо спросил Подручный. – Какую рыбу?

– Разную, – сказал Дервянко. – Жареную, вареную...

– А-а, – протянул Подручный и кивнул. – Ну да. Люблю, в общем.

– Это хорошо, – сказал Дервянко, – потому что в ближайшее время мы будем питаться исключительно дарами моря.

У Подручного заурчало в животе, звук был громкий и отчетливый, даже Дервянко его услышал.

– Не говори ничего, – усмехнулся он. – Твой желудок уже все сказал.

– Рыба, – с вождением проговорил Подручный. – Жареная, вареная...

Он шумно сглотнул слюну, глаза у него были голодные.

– Пойдем, пойдем, – заторопился Дервянко. – Ресторан на втором этаже.

Вопросы без ответов

На следующее утро Дервянко и Подручный поднялись поздно, даже по столичным меркам. В том же гостиничном ресторане позавтракали жареной треской, потом вышли на причал.

На улице было солнечно, улица сверкала мириадами солнечных зайчиков и слепила глаза. Дервянко и Подручный стояли на причале и жмурились словно парочка сытых котов. Солнце припекало, но здесь, на море все же было не так жарко, как в столице.

Возле гостиницы остановилась гондола, и на причал ступил высокий худой человек в светлом льняном костюме и черных солнцезащитных очках, закрывавших почти половину лица. Он на мгновение повернулся к агентам анфас, и Дервянко увидел отражение себя и Подручного, искаженное и удвоенное черными стеклами. «Мне бы такие очки», – позавидовал Дервянко. Незнакомец в черных очках вошел в гостиницу, а федералы забрались в освободившуюся гондолу.

– Городское управление правопорядка, – бросил Дервянко гондольеру.

Гондольер кивнул и отчалил, небрежно шевельнув веслом. Баркаролу он замурлыкал тихо-тихо, себе под нос, слов было не разобрать.

Гондола плавно скользила по улице, едва-едва покачиваясь на ходу, и Подручный, вопреки своим опасениям, чувствовал себя хорошо. К тому же Дервянко отвлекал напарника разговорами, он рассказывал менее опытному коллеге о местной милиции. Пожалуй, его мнение было чересчур предвзято.

– лейтенант Колотилов – мерзавец. Вообще, все здешние менты – мерзавцы, включая полковника Барабанова, который ими верховодит. Верить никому из них нельзя и ничего хорошего от них ждать не приходится. Федеральных агентов из столицы они не любят, можно сказать, ненавидят. Так что разговор нам предстоит тяжелый...

В отличие от многих других зданий города, нижние этажи городского управления правопорядка морю не принадлежали: за стенами, усиленными дополнительной кладкой и железом, местные милиционеры догадались устроить КПЗ; ночь, проведенная в тамошней клетке, запоминалась правонарушителям надолго. Дервянко содрогнулся, припомнив, как в первый свой приезд побывал в ментовском подвале, было такое...

Гондольер подогнал лодку к причалу, рядышком с парой бело-голубых милицейских катеров.

– Приехали.

Дервянко и Подручный выбрались из гондолы и мимо загорелого милиционера, который прямо с причала удил рыбу, прошли в здание. В вестибюле, за деревянной загородкой, сидел толстый сержант, очевидно дежурный; улыбаясь, он беседовал с кем-то по телефону. Дервянко остановился перед барьером, Подручный встал рядом. Толстый сержант не обратил на двух чужаков никакого внимания; посмеиваясь и прикрывая ладонью рот и микрофон, он продолжал что-то нашептывать в трубку масляным голосом.

– Бабе звонит, – уверенно определил Подручный. И добавил с укоризной: – Дисциплинка-то у них хромает.

– А ты чего хотел, – пренебрежительно сказал Дервянко. – Провинция.

Они поднялись по замусоренной, давно не мытой лестнице на шестой (третий надводный) этаж, прошли примерно половину плохо освещенного коридора до двери с корявенькой табличкой «старший оперуполномоченный лейтенант Колотилов П. М.» и вошли без стука.

В Северной Венеции, городе, где пустых квартир было раз в десять больше, чем людей, простой лейтенант милиции имел свой собственный отдельный кабинет. Подручный только головой покачал; в столице было по-другому: там такие лейтенанты сидели по трое на одном квадратном метре.

Лейтенант Колотилов, вольготно расположившись за обширным письменным столом, неторопливо разбирал на части табельный пистолет. На столе была расстелена мягкая тряпочка, вся в масляных пятнах, на тряпочке в строгом порядке были разложены различные приспособления для чистки и смазки. К уходу за табельным оружием лейтенант Колотилов относился со всей серьезностью и тщанием, чего нельзя было сказать о прочих его профессиональных обязанностях.

– Ничего не знаю ни о каком содействии каким-то там гастролерам, – заявил лейтенант Колотилов самым наглым тоном в ответ на вежливый вопрос Деревянко о предоставлении информации по делу об убийстве гражданина Копфлоса. – Никакой информации по делу Копфлоса я вам не дам. Вообще, никакой информации ни по какому делу я вам не дам.

Деревянко огорченно посмотрел на Подручного, как бы говоря: видишь, с какими олухами приходится иметь дело, – и снова повернулся к упертому лейтенанту, который демонстративно продолжал заниматься разборкой пистолета.

– Что это за разговоры – «не дам»? – спросил Деревянко оскорбленным тоном. – Мы вас не о личной услуге просим. Дело гражданина Копфлоса затрагивает интересы национальной безопасности. Вот мы с коллегой сейчас пройдем к вашему начальнику, полковнику Барабанову, и поставим его в известность о вашем отказе сотрудничать с представителями Федеральной Службы. – Последние два слова Деревянко произнес с особым нажимом.

Но лейтенант Колотилов был не так прост, чтобы его можно было взять на легкий понт. На своей территории он чувствовал себя полновластным хозяином и федералов не боялся. И зря.

– А то у полковника дел больше нет, как со всякими там говенными федералами разговоры разговаривать, – сказал лейтенант Колотилов нахально.

Деревянко, словно не веря своим ушам, повернулся к Подручному и спросил у него голосом, полным недоумения:

– Я не ослышался? Он сказал «говенные федералы»?

– Да, – кивнул Подручный со скорбным выражением лица. – Именно так он и сказал.

Деревянко вновь повернулся к лейтенанту Колотилону и уточнил у него самого:

– Так ты сказал «говенные федералы»?

– Ах, извините, – осклабился лейтенант Колотилов. – Я ошибся. Я хотел сказать «засранные». – Похоже, он нарывался, а делать этого не стоило категорически. Федеральные агенты – это вам не нахтфишеры, и уж, тем более, не водяные. – Да, именно. Вонючие, засранные федералы...

– Он нас оскорбил, – с грустью констатировал Деревянко.

– Ага, – согласился Подручный, шагнул к столу, схватил зарвавшегося лейтенанта за волосы и крепко приложил его лицом в тряпочку, испачканную оружейным маслом.

– Ай! – звонко крикнул лейтенант Колотилов и добавил еще несколько чрезвычайно выразительных слов.

Подручный прижал его сильнее. Лейтенант Колотилов заскулил.

– Отпусти его, – приказал Деревянко напарнику.

Подручный отпустил лейтенанта. Колотилов поднял голову и схватился обеими руками за разбитый нос; из-под его пальцев на стол быстро-быстро падали красные капли, расцветивая тряпочку новым узором. Он метнул в Подручного тяжелый, как кирпич, ненавидящий взгляд, но ничего не сказал вслух.

– Мы сообщим полковнику Барабанову о вашем недостойном поведении, – угрожающе произнес Деревянко напоследок, а Подручный, уходя, строго погрозил лейтенанту Колотилону пальцем.

Колотилов ошалел от такой наглости федералов. Они его избили, искалечили, да еще и выговаривают за плохое поведение. Он скрипнул зубами от бессильной ярости и горько пожалел, что так не вовремя разобрал свой пистолет.

Так же без стука Деревянко и Подручный заявили в кабинет полковника Барабанова. Полковник Барабанов тоже не горел желанием прислуживать незванным столичным гостям, но бить и его мордой об стол было как-то не с руки – все-таки старший по званию, хоть и милиционер. Деревянко избрал менее эффектный, но не менее эффективный способ психологического давления.

– Скажите, полковник, вы получили сообщение из столицы относительно нашего прибытия?

– Не знаю, не знаю, – заюлил полковник Барабанов, быстро перемещаясь от стола к открытому сейфу и обратно, но ничего не переносил при этом. – У нас столько дел, столько дел. – Он все повторял дважды, наверное, для пущей доходчивости.

– Сколько дел? – попробовал уточнить Деревянко.

– Много, – ответил полковник Барабанов, на мгновение остановившись на полпути между столом и сейфом, – очень много.

Деревянко затянул голосом въедливого зануды:

– Вы ставите нас в неловкое положение, полковник. Вы отказываете нам в необходимой помощи. Мы будем вынуждены сообщить об этом в столицу, своему начальству. Наше столичное начальство сумеет быстро договориться с вашим столичным начальством, и вас все равно заставят оказать необходимое нам содействие, а, возможно, еще и сделают выговор за обструкцию. Не лучше ли все упростить, не тратя зря время и нервную энергию на бесполезную борьбу? Ну, скажите свое слово, полковник.

Деревянко говорил очень убедительно. Полковник Барабанов остановился возле сейфа, оперся на распахнутую дверцу и глубоко задумался. Прошла минута, другая... Со стороны было очень похоже на то, что полковник Барабанов впал в кататонический ступор.

Подручный громко кашлянул.

– Что?! – вздрогнул Барабанов. – Что такое?

– Что вы решили, полковник? – спросил Деревянко.

– За информацией по делу об убийстве Копфлоса обратитесь к лейтенанту Колотилу, – сказал Барабанов.

Деревянко и Подручный посмотрели друг на друга, усмехнулись.

– Мы уже обращались к лейтенанту Колотилу, – сказал Деревянко. – Он отказал нам...

– В грубой и циничной форме, – прибавил Подручный.

– Обратитесь к лейтенанту Колотилу, – повторил полковник Барабанов. Он подошел к столу и снял трубку телефона внутренней связи. – Я отдам ему соответствующие распоряжения.

– Спасибо, – сказал Деревянко.

– Благодарим за сотрудничество, – сказал Подручный.

Полковник Барабанов в ответ кисло улыбнулся, – видать, благодарность федералов его не особенно грела.

Вернувшись в кабинет лейтенанта Колотилова, Деревянко и Подручный застали хозяина за тем же письменным столом. Пистолет был уже собран и лежал на столе по правую руку от Колотилова; по левую руку лежала тощенькая папочка-скоросшиватель. Нос у лейтенанта заметно распух, из ноздрей торчала вата.

– Бот – прогундосил Колотилов и мизинцем подпихнул папку к краю стола, навстречу федералам. – информация по делу Коплоса.

– Негусто, – заметил Деревянко, быстро просматривая содержимое папки. – Так, протокол осмотра места происшествия, протокол допроса свидетеля, обнаружившего труп...

Лейтенант Колотилов ощупал нос, осторожно вытащил из ноздрей вату и выложил эти мерзкие, в крови и соплях, тампончики на стол, словно вещественные доказательства. Подручный брезгливо поморщился.

– Это что – все? – спросил Деревянко, закрыв папку.

– Все.

– А где результаты вскрытия? Нужно же было установить точно причину смерти...

– Не было никакого вскрытия, – ответил лейтенант Колотилов. – Некому делать вскрытие.

– У вас что, нет прозектора? – удивился Деревянко. – Может, скажете еще, что у вас и морга нет?

– Морг у нас есть, – сказал лейтенант Колотилов. – А всеми мертвецкими делами занимался тот самый Копфлос. Теперь он сам лежит в своем холодильнике, а башка его вообще черт знает где.

– Ладно, с этим пунктом вроде разобрались, – сказал Деревянко. – Но где же информация о родственниках Копфлоса, о его друзьях?

– Нет у него ни родственников, ни друзей.

– Что, совсем никого нет?

– Совсем.

– Странно, – сказал Деревянко. – Очень странно.

– А Копфлос сам был очень странный, – сказал лейтенант Колотилов. – Какой нормальный человек выберет себе такую работу – мертвецов пластать?

Деревянко снова открыл папку, перебрал все немногие страницы дела.

– Но домашний адрес у этого странного человека должен быть. Почему он тут не указан?

– Адрес у Копфлоса есть, только вот самого дома больше нет. Обвалился позавчера.

– Дом обвалился в день гибели Копфлоса? – уточнил Деревянко.

– Да, – кивнул лейтенант Колотилов. – В тот же самый день.

– Какое интересное совпадение, – задумчиво проговорил Деревянко, оглянувшись на Подручного. – Не так ли?

Подручный молча, со значением, кивнул.

– А что тут такого? – пожал плечами лейтенант Колотилов. – Дом был аварийный, обвалиться мог в любой момент. Вообще, непонятно, на чем он держался...

– Значит, дома у Копфлоса нет, друзей нет, родственников нет... – начал перечислять Деревянко.

– Головы у него тоже нет, – вставил Подручный.

– Да, действительно, – сказал Деревянко. – Был же кто-то, лишивший Копфлоса головы... Скажите, лейтенант, а были ли у Копфлоса враги?

– Понятия не имею.

– Ну хоть с кем-то Копфлос общался? По работе, например.

– С покойниками он общался, – буркнул лейтенант Колотилов. – Ну еще с нашими следователями, строго по работе. Да, и с этими парнями из крематория. Они такие же ненормальные. Некроманты.

– Кто-кто? – переспросил Деревянко.

– Некроманты, – как бы нехотя повторил лейтенант Колотилов. – Ходят про них слухи, будто они на внутренностях мертвецов гадают и будущее предсказывают, – пояснил он. – Вранье, скорее всего. Вот Копфлос, тот мог на внутренностях гадать, у него для этого все условия были.

Деревянко и Подручный обменялись многозначительными взглядами.

– Какие интересные слухи, – сказал Деревянко. – Пожалуй, стоит заняться их проверкой. И федералы вышли вон.

– Во-во, займитесь, – проговорил лейтенант Колотилов в закрывшуюся за федералами дверь.

И нехорошо усмехнулся.

Федеральные агенты не были склонны без нужды подвергать организм суровым испытаниям и лишениям. Поэтому из городского управления правопорядка Деревянко и Подручный вернулись в гостиницу, чтобы пообедать в тамошнем ресторане, ибо уже настало время обеда. А после ухи из мелкой балтийской кильки и тушеной скумбрии федералы решили вернуться в номер, чтобы в спокойной обстановке обсудить ту скудную информацию, которую удалось добыть.

Однако все пошло не так, как предполагалось.

В коридоре седьмого этажа Деревянко и Подручный едва не столкнулись с молоденькой румяной горничной, которая, задумавшись о чем-то своем, девичьем, выкатывала большой красный пылесос из номера, соседнего с номером федеральных агентов.

– Смотрите, куда едете, девушка, – строго выговорил горничной Деревянко, едва не запнувшийся за пылесос.

– Ой! – Горничная изумленно округлила глаза. – А вы разве не у себя в комнате?

– Хм, как видите, – нет, – сказал Деревянко и выразительно посмотрел на Подручного. – А с чего вы взяли, что мы у себя в комнате?

– А у вас на двери висит табличка «не беспокоить», – ответила наивная горничная. – И еще кто-то ходит и разговаривает. Я была в соседней комнате и слышала голоса. Я думала, что это вы ходите и разговариваете. Но если вы здесь, то кто тогда там?

– А вот это, как говорится, интересный вопрос, – сказал Деревянко и достал из-под пиджака большой черный пистолет. – Сейчас посмотрим, кто это там ходит и разговаривает.

– Ой, – сказала горничная. – А это что, пистолет?

– Да, – сказал Деревянко.

– Настоящий?

– Да.

– Вы собираетесь их застрелить, тех, которые в вашей комнате?

– Девушка, – строго сказал Деревянко, – немедленно идите вниз и скажите администратору, чтобы он вызвал милицию.

Горничная поджала губки и засемила к лифту. Оглянулась на полпути. Деревянко поторопил ее взмахом руки:

– Идите, идите.

Подручный стоял возле двери номера с пистолетом в опущенной руке и вслушивался в доносившиеся из комнаты звуки.

– Непрофессионалы, – констатировал он уверенным шепотом. – Их там двое или трое. Скорее всего – трое.

– Не четверо? – спросил Деревянко.

– Вряд ли. – Подручный отрицательно мотнул головой. – Я бы услышал.

– Хотя бы одного – живым, – предупредил Деревянко и скомандовал: – Давай!

Подручный изо всех сил лягнул дверь ногой, хлипкий замочек не выдержал удара, сломался. Распахнувшаяся дверь сбила с ног одного из незваных гостей, который стоял слишком близко входу. Двое других вторженцев от неожиданности совершили самую большую и последнюю глупость в своей жизни – попытались схватиться за пистолеты. Пришлось Деревянко и Подручному их обоих застрелить. Ушибленный дверью тоже был не в себе, он вскочил с пола и бросился на Подручного с голыми руками. Подручный слегка оторопел от такой наглости, одной левой он отшвырнул нападавшего прочь, но силы своей не рассчитал – щуплый типчик пролетел через всю комнату, спиной врезался в окно и вывалился наружу вместе с рамами

и осколками стекла. Мгновение спустя снизу донесся глухой шлепок и пронзительный крик, почему-то женский.

Дервянко и Подручный подскочили к выбитому окну и одновременно выглянули из него, едва не стукнувшись головами.

Выпавший из окна человек лежал на краю известного плота в позе, несовместимой с жизнью. Рядом с телом стояла Сильвия и, запрокинув голову к небу, ругалась на чем свет стоит. Заприметив высунувшихся из окна федералов, Сильвия уперла руки в бока и гневно спросила:

– Так это вы подкинули мне этого ублюдка?

– Это не я, – поспешно открестился Дервянко и указал на Подручного. – Это все он.

– Совсем ошалели, – крикнула Сильвия. – Людей из окон выбрасывают.

– Сильвия, – деликатно попросил Дервянко, – ты посмотри, пожалуйста, может он еще живой?

– Какое там живой, – ответила Сильвия. – Дохлый.

– Ну, тогда пусть он у тебя пока полежит, – сказал Дервянко, теряя интерес к разговору.

– Эй! – снова завопила Сильвия. – А ну немедленно заберите от меня своего жмурика!

На хрена он мне здесь нужен!

Но Дервянко не обратил никакого внимания на ее возмущение, он отвел от окна Подручного и принялся его отчитывать:

– Я же сказал, что одного нужно взять живым. Теперь у нас три трупа на руках. Кто они были, мы не знаем, зачем приходили, тоже не знаем, и спросить теперь не у кого.

– Звиняйте, гражданин начальник. – Подручный потупился. – Ну, оплошал я маненько.

Дервянко, наклонив голову, заглянул напарнику в лицо – Подручный ухмылялся.

– И он еще зубы скалит. Дурак, – беззлобно сказал Дервянко. Махнул рукой и отошел к одному из убитых, тому самому, которого застрелил пару минут назад. Присев возле трупа на корточки, Дервянко деловито обшарил одежду убитого, вывернул все карманы, но ничего не нашел. Подручный, обыскивавший другого мертвеца, сообщил:

– Пусто. Ни документов, ни личных вещей – вообще ничего.

– Странно, – сказал Дервянко. – Они же непрофессионалы.

Он посмотрел на пистолет в руке мертвеца, это был новенький блестящий «Смит-Вессон 850».

– Слишком крутая пушка для этого парня. – Дервянко распрямился, вздохнул. – Что-то тут не то...

Подручный неопределенно пожал плечами.

– Менты до сих пор не появились, – сказал Дервянко, на мгновение выглянув из окна.

Подручный хмыкнул:

– А они никогда не торопятся.

– Тогда давай мы поторопимся, – сказал Дервянко. – Если не успеем смыться до приезда ментов, придется до вечера на разные глупые вопросы отвечать. А я хотел еще сегодня в крематорий заглянуть.

– А от гостиницы до крематория далеко? – с легким беспокойством спросил Подручный. Он все еще опасался приступов морской болезни – несмотря на пару благополучно перенесенных поездок в первой половине дня.

– Нет, не очень. – Дервянко показал рукой за окно. – Вон, видишь черную трубу?

– Которую? – уточнил Подручный. – Эту?

– Нет, это хлебозавод, – сказал Дервянко. – Вон та труба, повыше.

– А до хлебозавода поближе будет, – заметил Подручный.

– Но нам туда не надо, – сказал Дервянко. – Идем скорей.

Внизу, в холле, торопившихся агентов перехватил сильно расстроенный администратор гостиницы.

– Какая досадная неприятность, – нервно затараторил он. – Мне искренне жаль, что ваше пребывание в нашей гостинице было омрачено подобным досадным происшествием. Я уже известил милицию об этом инциденте, они выслали наряд...

– Давно вы позвонили? – спросил Деревянко.

– Буквально пять минут назад, – ответил администратор гостиницы. – Они сказали, что выезжают немедленно.

– Значит, у нас есть еще минут десять, – сказал Деревянко Подручному. – Идем.

– Куда же вы? – растерянно воскликнул администратор гостиницы. – Что я скажу милиции? У них обязательно возникнут вопросы...

– Скажите им, что мы ответим на их вопросы попозже, – бросил Деревянко на ходу. – Когда вернемся.

– А как быть с теми людьми, что пробрались в ваш номер? – Администратор гостиницы схватил Деревянко за рукав и не желал отпускать. – Я слышал выстрелы. Наверное, те преступники очень опасны? Вдруг они убегут до появления милиции?

– Они уже совершенно безопасны, – заверил Деревянко, отцепляя пальцы администратора гостиницы от своего пиджака. – И никуда они не убегут, им теперь спешить некуда.

Агенты выскочили на гостиничный причал, где их и встретила разгневанная Сильвия.

– Немедленно заберите с моего плота своего дохлого приятеля, – потребовала она, заступив федералам дорогу к свободной гондоле.

– Сейчас милиция приедет и заберет, – сказал Подручный.

– Милиция?! – взвизгнула Сильвия. – Ну все, день пропал! Ну, спасибо, мальчики, ну удружили – такую свинью подложить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.